

По ту сторону света

поэма

*Я люблю тебя так, словно я умерла,
то есть будто смотрю на тебя с того света,
где нам каждая жилочка будет мила,
где любовь так полна, что не надо ответа.*

И. Кабыш

*Просто стою я, просто смотрю я,
как на земле без меня.*

И. Снегова

*Мы оба умираем, все умираем, всегда умираем.
Я – пока пишу, ты – пока читаешь, другие –
пока слушают или пока не слушают...*

Ф. Петрарка

1.

Я пишу ниоткуда и не ожидаю ответа.
Только чувствую: нам объясниться настала пора.
Не пугайся, прошу, я пишу тебе с этого света.
Это лишь репетиция финиша, проба пера.

Когда кто-то навеки уходит, до судорог дорог,
поглощаемый прорвой, холодной её чернотой,
мы стремимся протиснуться в тьму эту мысленным взором,
тщетно силясь познать, что же там, за последней чертой.

Что нас ждёт за туннелем? Возмездие? Лепет любовный?
Воскрешенье души? Продолженье кошмарного сна?
Что услышим там? Райскую музыку? Скрежет зубовой?
Или дальше, как водится, там лишь одна тишина?

Этот мир мною издавна истово признан и признан.
Если нам доведётся увидеться – где б ни была –
это буду не я, а всего лишь подобие, призрак.
Та, кого ты когда-то встречал – та давно умерла.

Я живу здесь обратно. Я рыскаю в поисках следа.
Дни, как комья земли, засыпают ушедшие дни.
Я живу по ту сторону сна, по ту сторону света.
Я ищу свою душу и то, что ей было сродни.

И, сама себе суд, разрушитель себя и создатель,
между свежестью утра и свежестью новых утрат,
я живу по ту сторону жительство, правительств, предательств,
по ту сторону были и небыли, зла и добра.

Я пишу на песке, я долблю тебе буквы на камне,
и бутылки бросаю в незыблемость Стиксовых вод.
Может, всё это в бездну бесследно по-прежнему канет,
а быть может – кто знает? – по адресу сердца дойдёт.

Здесь вселенная молча взирает глазами пустыми,
отдалённость твою не давая нарушить во мгле.
Мне беспомощно и нелюдимо, как гласу в пустыне,
но не так одиноко и холодно, как на земле.

Я брожу здесь по улицам, днями прошедшими полным,
не ведущим в грядущее и увязавшим в бреду.
Набегают на берег безлюдный свинцовые волны,
волны памяти, и наблюдаю я их череду.

Я впервые свободна. Исполнясь незнакомой отваги,
закаливши и выстудив душу на звёздных ветрах,
я пишу, как дышу, на сторевавшей до пепла бумаге
и пером, превратившимся вместе с чернилами в прах.

Здесь со мною Ничто. Это память о том, что с тобою
было, не было и не случится теперь уже впредь.
Я тебя – не поверила б – здесь вспоминаю без боли.
Я теперь поняла – это и называется Смерть.

2.

Мы бродили с тобою по лезвию тайны, по кромке
невесомого льда, ту погибель слегка пригубя.
Я себе представляла уход в никуда как воронку.
А теперь я из этой воронки смотрю на тебя.

С каждым днём расстоянье меж нами растёт многократно.
Я-то думала, жизнь – это путь, что куда-то ведёт,
а она – только ветер, который всё дует обратно
и, мешая вернуться, меня у себя же крадёт.

Ничего не прошло. Всё по-прежнему там, где когда-то
мы всё это оставили. Там это всё до сих пор.
Как по листьям опавшим, бреду я по канувшим датам.
Это тень моя с тенью твоею ведёт разговор.

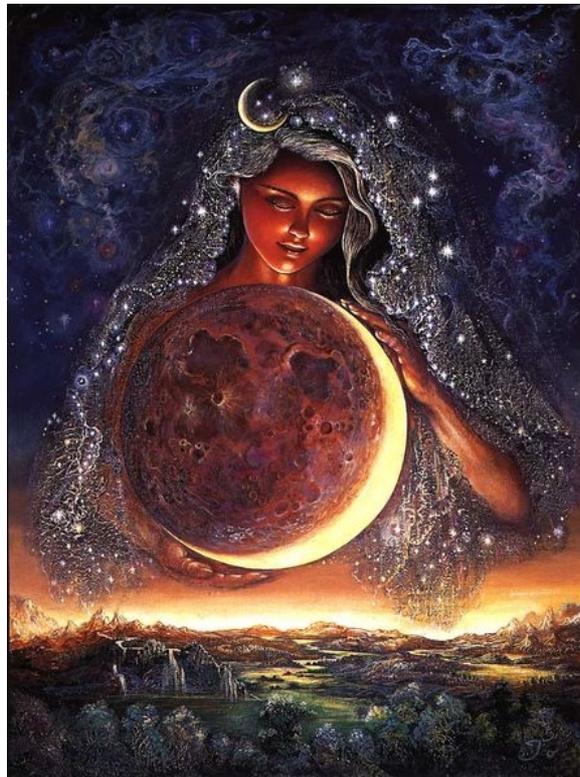
Ты лишь призрак, лишь тень моей мысли, больной и невольной,
что скользит неотвязно, все мысли в себе погребя.
Эта тень всё растёт, вырастая длинней колокольни,
затмевая всю жизнь, что когда-то была до тебя.

Когда ты появился, то мир, пребывавший в покое,
приобрёл направленье, потоком стремительным стал.
Ну а ты был воронкой, в которую вместе с водою
этот мир у меня утекал, уплывал, улетал...

Всюду свадьбы, карьеры, веселье, обилье, богатство...
Шепчут море, деревья, трава: "Ну чего ты блажишь?"
Я тяну к тебе руки. Путь узок. Нельзя отвлекаться.
Шаг чуть вправо, чуть влево – и ты оступаешься в жизнь.

Сатана или Бог так безрадостно правили бал сей?
Чья-то карма иль кара вершилась, велев: "не живи"?
Мир под цвет твоих глаз так старательно маскировался,
под оттенок стальной невозможности нашей любви.

Это чувство отсутствия, невосполнения, утраты
всё въедалось в меня, словно тьма в однобокость луны,
но чем больше она забирала, тем больше пространства
оставалось душе для высокой её тишины.

3.

Я пишу в никуда. Я живу по ту сторону света.
Только память опять наплывает волна за волной.
Почему я сейчас так отчётливо вижу всё это?
Почему же всё это не умерло вместе со мной?

Что таилось самой от себя, здесь так явно и ярко.
Разве можно от ока Всевышнего что-нибудь скрыть?
Мне хотелось тогда на земле где-то выкопать ямку,
прошептать туда всё, а потом, как могилку, зарыть.

А тебе интересно, скажи, – да ведь я не услышу –
услыхать про мой мир, про мой город, деревья, дома?
Человек, умирая, уносит всё это под крышу
настоящего дома, в глухие его закрома.

Мир беднеет на скверы, автобусы, улицы, парки,
на соседок и кошек, стихи, акварели, моря.
Но я знаю, что ты бы не принял такие подарки.
Ни к чему тебе там запоздалая щедрость моя.

Я её отпускаю пожизненно в замок воздушный.
Пусть парит над тобою всегда об едином крыле,
даже здесь охраняя тебя от того равнодушья,
что пытается нас окружить, задушить на земле.

Не вмещает мой разум понятия смерти и трети.
Ты – её отрицанье, изнанка её, антипод.
Приближенье к тебе – это как приближенье к бессмертью, –
вот полшага ещё – и разгадан таинственный код.

4.

Смерть нежна. Я всё жду, что она разомкнёт свои веки и с улыбкою лживою вымолвит мне: "Добрый день!"
Может быть, наши души там переплетутся навеки, если нашим телам не дано это было нигде.

Мне печально и радостно знать про свою обречённость,
про победу бесплодную горнего света над тьмой.
Что-то есть во мне больше, чем просто в слова облечённость,
что сильнее повседневности, больше меня же самой.

Ах, как кружатся мысли, и чьи-то уставшие лица
окружают меня, в них печаль и какой-то надлом.
Души умерших мимо плывут, как опавшие листья,
и, из Леты испив, забывают навек о былом.

Но, чем больше судьба отнимает, тем больше ты любишь
то, что нам остаётся: застенчивый шум тополей,
шелестящее поле, аллеи вечерней безлюдье –
всё, что мы полюбили когда-то на этой земле.

Как хотелось прожить много жизней, удвоя, утрая
всё, что втайне копилось и кануло в ночь без следа,
но одной оказалось достаточно, да и её я
отдала бы легко, чтоб тебя не забыть никогда.

5.

Я живу по ту сторону дней, по ту сторону буден.
Здесь дома, где когда-то жила, что давно снесены.
Здесь забытые мной и меня не забывшие люди,
запах талого снега давно отшумевшей весны.

Небо ясно здесь, море прозрачно, и кажется будто
нарисованным. Словно пейзажи в манере Руссо.
Нереальна волна, нереальна глубокая бухта.
Это видится мне Зазеркальем, похожим на сон.

Если кажется что – всё меняется здесь нам в угоду...
Перед Млечной мечтой отступает хлопот круговерть.
Здесь отсутствуют беды, обеды, политика, моды –
всё, что делает жизнь неживой и похожей на смерть.

Здесь сирены поют, услаждая нездешнее ухо.
А умерших язык не похож на живущих язык:
слишком грубы и плотны слова для бессмертного духа,
и к бумаге шершавой невидимый глаз не привык.

Здесь высокие шпили утоплены в зелени лета.
В этих замках, возможно, скрываются души, как знать?
А в окошечках башен так много небесного света,
что ни грязь и ни низость не могут тебя запятнать.

Я стою на холме. Предо мной расстилается поле,
где сраженья велись... Это было когда-то, давно...
Сильный ветер, и пахнет полынью. Я, кажется, в Трое.
Или в Греции, в Риме – не всё ли теперь мне равно?..

Пред глазами проносятся мифы, предания, даты.
Здесь ходил Демосфен, здесь любили Сафо и Катулл...
Я не больше реальна, чем те, что здесь были когда-то.
Бесконечное время вмещает в себя пустоту.

Где-то брезжит неведомый разуму берег туманный.
Я стою на корме неизвестного мне корабля.
На борту его умерли все. Он плывёт без команды,
лишь теченьем влеком, далеко, без ветрил и руля.

И куда-то везёт он мою одинокую душу...
В темноте всё слилось, погружая весь мир в забвенье.
И не видно границы, которую можно нарушить,
между морем и небом, меж жизнью и небытием.

Мёртвый штиль уступает стихии безудержно-шквальной,
и потоки бушующих волн заливают каркас.
Фразу "сколько воды утекло" постигаешь буквально.
(Уж не та ли вода, что меня окружает сейчас?)

Стрелки здешних часов, над каким-то штрихом замирая,
то встают, то порой норовят поворачивать вспять.
Циферблаты – как солнце, что время пригоршней вбирают,
но оно сквозь лучи, как сквозь пальцы, уходит опять.

Всё течёт. Всё на дно бесконечного канет колодца.
"Всё проходит", – сказал ещё, помнится, царь Соломон.
Только письма мои – это то, что всегда остаётся.
Если ты их читаешь – то призрак уже оживлён.

Полетит поцелуй невесомый в воздушном конверте,
и во мраке ночном задрожит, как бубенчик, звезда...
Есть какая-то связь, что не может прерваться со смертью.
А раз так – то она не прервётся уже никогда.

Нам в себе этот мир никогда не избыть и не выжечь.
Да пребудет же вечно всё, что невозможно забыть!
Может, надо однажды нам всем умереть, чтобы выжить,
через небытие возродившись воистину Быть.